

Ур83
П80
А-364362

А.Г. ПРОКОФЬЕВА, В.Ю. ПРОКОФЬЕВА

ОРЕНБУРГ

*литературные
прогулки*

Op83
1780

Op83.316
63.3(2Рос+4Оре-2Оре)-7
+83.3(0)-8
+Op0(-2Op0)

А.Г. ПРОКОФЬЕВА, В.Ю. ПРОКОФЬЕВА

ОРЕНБУРГ

литературные прогулки

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

а-346362

1Р

ОРЕНБУРГСКОЕ
книжное издательство
им. Г.П. ДОНКОВЦЕВА

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Город Оренбург в пространстве литературной памяти

Подробное описание Оренбурга в литературе впервые появляется в 1824 году в очерке русского писателя и художника, первого издателя журнала «Отечественные записки» («дедушки русских журналов») П.П. Свиньина (1787–1839). В одну из своих многочисленных поездок по России он побывал в Оренбургском крае и свои впечатления от этой поездки отразил в рисунках и путевом очерке «Картина Оренбурга и его окрестностей...». В очерке писатель наметил те проблемы, которые будут интересовать и его последователей: основание города, его имя, облик города, построенного на границе Европы и Азии, его история, его жители и их занятия, памятные места и пр.

Свиньин пишет: «Оренбург принадлежит к числу городов, явившихся на лице земли Русской после преобразования нашего отечества. История сего города нова, коротка и незанимательна. О построении его можно сказать, что он, как странствующий исполин, идущи вниз по Уральскому берегу, сам выбирал место для своего основания. В царствование императрицы Анны (1731) киргизский хан Абулхаир, будучи со всех сторон притесняем беспокойными кочующими и некочующими соседями, добровольно вступил с подвластною ему ордою в Российское подданство. По настоянию сего хана высочайше

поручено было статскому советнику Кирилову провести по Уралу вооруженную пограничную черту, которая бы совершенно разделяла Башикирию с киргиз-кайсацкой степью, и в середине черты сей поставить крепость, долженствующую быть главным пунктом торговых и политических сношений с народами Средней Азии и охранительницею спокойствия всей окрестной страны. Кирилов в 1735 году заложил крепость сию при устье впадающей в Урал реки Оръ, где ныне крепость Орская, и, по господствовавшему тогда обыкновению давать русским городам иностранные имена, назвал оную Оренбургом».

Продолжая рассказ про основание города, Свиньин сообщает, что преемник Кирилова Татищев «нашел... место при устье Ори, угрожаемое каждый год наводнениями от Урала, неудобным для построения на нем большой крепости» и хотел поэтому основать Оренбург в 1738 году при урочище Красной горы, где потом возникла крепость Красногорская. Но и это место было признано неудобным, и «Оренбург основан наконец на нынешнем его месте тайным советником Неплюевым в 1743 году, в царствование кроткой Елизаветы». В подтверждение писатель ссылается на работу самого Неплюева «Жизнь Неплюева, им самим написанная» – она была опубликована в журнале «Отечественные записки».

Известный литературовед XX века Ю.М. Лотман И.И. Неплюеву посвятил отдельный очерк в книге «Беседы о русской культуре» (в главе «Птенцы гнезда Петрова»), где, в частности, писал: *«Неплюев развил на огромном пространстве от Саратова до Казахстана исключительно энергичную деятельность. Он переносит на новое, более удобное место город Оренбург, строит пограничные крепости, усиливает освоение степных земель и одновременно, с коварством и жесткостью, которым мог бы позавидовать английский колонизатор той же эпохи, ссорит башкиров и "киргиз-кайсаков", направляя их друг на друга...»*.

Исходя из предложенной классификации Ю.М. Лотмана, Оренбург явно следует отнести к разновидности эксцентрического города, расположенного «на краю» культурного пространства, созданного вопреки Природе (оппозиция «естественное – искусственное»).

В очерке П.П. Свинына сообщается, что Оренбург находится на правом берегу Урала, несколько выше устья Сакмары, отмечается, что река и прибрежная крутизна возвышения, на котором построен город, делают его неприступным.

Говоря об облике Оренбурга, писатель отмечает *«точную правильность кварталов и улиц, чистоту сих последних, которые по сухости грунта вместо мостовых усыпаны только песком; пленительную опрятность домов, большую часть деревянных, оштукатуренных;*

начало великолепного каменного тротуара на большой улице и ряды молодых деревьев, насажденных перед домами», подчеркивает разделение города на прямоугольные кварталы, окружающие центральную площадь.

Характеризуя Оренбург как город-крепость, Свинын перечисляет «замечательные» казенные строения: на площади главную гауптвахту, возле которой устраивались разводы Оренбургского гарнизона, два больших каменных дома, где квартировали военные чиновники Оренбургского отдельного корпуса, дом военного губернатора, выстроенный на самом высоком месте берега; церкви – соборы Золотой и Зеленый, церковь свв. Петра и Павла – для военных, Троицкую – для статских, Вознесенскую – для купцов.

П.П. Свиныным, по сути, выделяются главные «градообразующие элементы»: церкви (храм – религиозный центр), губернаторский дом (дворец – средоточие административной власти), крепостные сооружения (военный опорный пункт), Гостиный двор (торговый центр).

В очерке сообщаются и исторические сведения об Оренбурге, в основном касающиеся Пугачевского восстания: *«В 1774 году выдержал он осаду буйного Пугачева», «есть еще церковь св. Георгия в Форштадте, с ее колокольни Пугачев высматривал осажденный им город и стрелял в него из большого орудия, которое по приказанию сего разбойника было помещено в соседстве с колоколами»*. Легенды о Пугачевском восстании,

Вид на центр и северную часть города

View of the central and the northern parts of the city

Памятник Льву Толстому в парке «Тополя»

Monument to Leo Tolstoy in the Topolya gardens

привлекшие внимание А.С. Пушкина, постепенно станут частью оренбургской мифологии.

Достаточное внимание уделяет Свинын местам гуляний оренбуржцев, прежде всего роще, находящейся за Уралом, в Азии (сам Оренбург находится в Европе): «*Это старая роща, осеняющая под самым городом противоположный ему низменный берег...*». (В начале XX в. писатели будут описывать эту рощу уже как место проведения митингов.)

Подробно пишет Свинын еще об одном месте для отдыха, находящемся в семи верстах от Оренбурга. Это уединенное место оренбургские жители издавна называют Маяком.

Говоря о гуляньях, Свинын подчеркивает, что климат в Оренбурге «*умеренный и здоровый, и хотя иногда при сильных ветрах зимы бывают бурны и холодны, а лета жарки и сухи, но его неможно сравнить ни с сибирским, ни с африканским*», и отмечает: «*в гористой Башкирии при употреблении известного кумыса и при тихой беззаботливой рассеянности можно находить то безлекарственное целение скрытых телесных недугов, которое европейцы обыкновенно ищут в живописной Швейцарии*» (именно с такой целью много раз приезжал в оренбургские степи Л.Н. Толстой).

По мнению Свинына, две особенности Оренбурга – военный и торговый характер города – определяют население его, жизнь и быт жителей. Вот что пишет писатель:

«*...на каждом шагу встречаются в нем солдаты, казаки, пушки, платформы и другие грозные принадлежности крепостей... число всех войск, находящихся летом в городе и в ближайших его окрестностях, простирается примерно до 3500 человек регулярных и до 6000 человек иррегулярных: казаков, мещераков и башкирцев. Среди оренбуржцев много магометан, частью там живущих, частью приезжающих туда с торговыми караванами и на "летнюю кордонную службу"*». Для того чтобы представить различие языков, одежд и «обыкновений» в Оренбурге, писатель рисует следующую картину: «*Слушается, что рядом с болтливым евреем видишь важного индейца, или пред толпою диких киргиз-кайсаков – какого-нибудь странствующего европейца, разряженного по всем правилам моды. Более всех замечательны в Оренбурге татары, составляющие особый и значительный класс обывателей. Будучи хитры, пронырливы и проворны, они отличаются удивительною ловкостью в здешней торговле и нередко приобретают посредством оной великие капиталы. Как в больших европейских городах повсюду слышен язык французский, так в столице Оренбургского края татарский между низшими сословиями не уступает в употребительности своей русскому*».

Как видим, уже в тексте очерка П.П. Свинына можно выделить главные доминанты оренбургского пространства, реализующиеся прежде всего в оппозициях Восток – Запад, азиатское – европейское.

Продолжая эту линию, В.И. Даль, проживший в 1830-е годы в Оренбурге более восьми лет, называет один из своих рассказов «Европа и Азия». В нем писатель размышляет: *«Да где же, скажите, начинается Азия, то есть где, собственно, оканчивается Европа? ...В одной немецкой географии Волга принимается за настоящую границу, и Казань любовной сделкой передана Азии; в другой граница эта: Уральский Кряж, Общий сырт и низовье Волги; в третьей – Уральский хребет и река Урал; другие толкуют, что вся Оренбургская и Пермская губернии принадлежат Европейской России, а следовательно и Европе...».*

«Физиологические» очерки и «восточные» повести В. Даля этого периода отличаются достоверностью деталей и обостренным вниманием к географическим, историческим, этнографическим приметам Оренбургского края. Много страниц отведено Оренбургу в повести «Бикей и Мауляна», посвященной жизни, быту и нравам проживающих в Оренбургской губернии людей разных национальностей, прежде всего киргиз-кайсаков, о чем автор рассказывает как человек, еще не привыкший к местной экзотике.

Оренбург изображен Далем европейским городом как антитеза жизни кайсаков. И рассказ о быте и нравах кочевников дан с позиции европейца, но в произведении не проявляется чувства превосходства цивилизованного человека над «дикарями». В другой «восточной повести»,

тоже посвященной жизни киргиз-кайсаков, «Майна», Даль так объясняет свои наблюдения: *«Народ этот, при всей грубости своего невежества и черствости души или сердца, по нашему образу чувств и мыслей, не лишен природою ни того, ни другого – ни чувств, ни мыслей».*

В повести «Бикей и Мауляна» писатель часто прибегает к сопоставлению жизни, быта, нравов жителей Востока и Запада, столичного Петербурга и провинциального Оренбурга. Сравниваются не только жилища, но и одежда, прическа, украшения. С улыбкой обращается автор-рассказчик к читателям повести: *«...не знаю, приглянулась ли бы вам моя степная красавица с первого раза, особенно если бы вы пожаловали в зауральскую степь прямо с партера Александринского театра, из филармонической залы, с пышного придворного бала...».* Самому же автору облик кайсачки кажется приятным: *«свежее, дикое, яркое и смуглое лицо, в котором брови, ресницы, очи, губы и подборные, скатного жемчуга зубы украсили бы любую из московских и питерских красавиц...».*

Нередко Даль, начиная с сопоставления обычаев, нравов европейцев и азиатов, переходит к анализу жизненных устоев, деятельности властных структур у кайсаков – ханской власти в степи, роли «баранты» в организации правосудия: *«Кайсаки до того ненавидят правосудие наше, наши обряды судопроизводства, что предпочитают им всякую домашнюю расправу, лишь бы обвиняемому... не тягаться месяцы и годы, не сидеть, ожидая*

Граница Европы и Азии

Border between Europe and Asia

Ледоход на Урале, Зауральная рош

Ice drift in the Ural river and the Zaural'naya Grove

медленной, томительной переписки, в каком-нибудь гнилом остроге...»; «...суд и расправа всех мусульманских народов основываются на законе, на коране; ...но нигде это не соблюдается менее, чем у кайсаков, которые неохотно признают над собою власть, а самоуправство предпочитают всякой иной расправе».

Сопоставляя жизнь людей Востока и Запада, Даль отмечает разные способности их в том или ином ремесле, деле. С иронией писатель размышляет о том, что «русские вовсе не ходят с караванами в Среднюю Азию, высказывая свое мнение: торговля эта принадлежит исключительно бестолковым, безрасчетливым и безмерно корыстлюбивым мусульманам. Русский изворотлив, сметлив, предприимчив и переимчив у себя, дома; но караванная и морская торговля – не его рука... По всей оренбургской линии нет ни одного почетного торгового дома...».

Вслед за Державиным Даль сравнивает оренбургские степи с морем.

У Державина: **«Там степи, как моря, струятся».**

У Даля: «Оренбург, по уверению книжников, стоит выше океана, здесь-то и степь наша сама принимает вид сухого моря. Выше – места разнообразные, частью гористы и лесисты; но бедный Оренбург, перенесенный с места на место до трех раз, судьбы своей не миновал: он наконец-таки расположился в безлесной и голой пустыне» («Бикей и Мауляна»).

История закладки Оренбурга рассказывается в ряде произведений Даля. В рассказе «Домик на Водяной улице» он пишет: «В опрятном, новом городке елизаветинских времен, перенесенном трижды с места на место...».

Объясняя причины основания Оренбурга, Даль подчеркивает: «Закладка города началась глубоким окопом его для защиты от внезапных набегов, и один только окоп этот удержал в свое время и Пугачева: разбойники берут распихом и на приступ не ходят...».

Во времена Даля Оренбург еще оставался городом-крепостью: «Оренбург, в котором с каждого перекрестка во все четыре стороны виден крепостной вал...» («Бикей и Мауляна»). Вспоминая прошлое, историю появления Оренбурга, прежде всего как пограничного города, важного для державы, Даль устами одного из своих героев говорит: «Здравствуй, трижды зачатая, единожды рожденная твердыня, русский город: век стоять тебе покровом и оплотом ширить могучие крылья свои!» (цикл рассказов «Серенькая»).

Как и Свинын, Даль описывает многие здания города: Гостиный двор, церкви, собор, губернаторский дом, наиболее известные места, расположенные вблизи города: Меновой двор, Форштадт, Зауральную рощу, Бёрды, пополняет мифологию города – описания писателя нередко сопровождаются историческими экскурсами, воспоминаниями жителей, рассказами о курьезных

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66